

Мария Некрасова

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ 52

Лагерь ужасов
Следы в темноте

Мария Евгеньевна Некрасова
Большая книга
ужасов – 52 (сборник)
Серия «Большая книга
ужасов», книга 52

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6192687
Большая книга ужасов. 52 : повести / Мария Некрасова: Эксмо;
Москва; 2013
ISBN 978-5-699-67411-4

Аннотация

«Лагерь ужасов»

Ехать в санаторий Влад Воробьев совсем не хотел. Засмеют же! Здоровый парень, и вдруг по санаториям раскатывает! Нет бы в спортивный лагерь отправили! Да и странные они все какие-то оказались там. Одна прозрачная санитарка чего стоит. А математичка, уверенная в том, что именно Влад поджег ее дом, хотя он и пальцем к нему не прикасался? Вот Влад и решил сбежать – обратно домой. Но вырваться оказалось не так-то просто...

«Следы в темноте»

Отдыхающий в детском лагере Васька и не подозревал, что предостережение взрослых не связываться с местными – не пустое. Ведь взрослые всегда так говорят: туда не ходи, с тем не дружи. Да Васька и не собирался ни с кем дружить. Он просто по ошибке разбил стекло в доме у живущей на отшибе старушки. И его жизнь резко изменилась. Уже на следующий день Васька оказался в больнице с приступом аппендицита, а когда очнулся от наркоза, обнаружил в своем рюкзаке странный сверток, внутри которого лежал глиняный человечек, утыканный булавками...

Содержание

Мария Некрасова	6
Глава I	6
Глава II	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Мария Некрасова

Большая книга

ужасов – 52 (сборник)

© Некрасова М., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мария Некрасова

Лагерь ужасов

Глава I

Овраг

Невидимые челюсти вцепились в мой бок и дернули изо всех сил. Сон вылетел из головы, я распахнул глаза. Даже, кажется, треск услышал: опять! Ночь. На телефоне половина второго. Да я и трех минут не проспал! Почему *это* всегда приходит неожиданно и все норовит выдернуть из сна?!

Боль сверлила в боку. Зубы, или что там, впивались в меня и тянули в темноту. Нет, шевелиться нельзя, только хуже сделаешь. Я подтянул ноги к подбородку и вцепился в матрас: вот так! Попробуй теперь, сдвинь меня с места! Но *это* не желало так просто отдавать добычу. На этот раз оно вцепилось мне в ногу, дернуло... Дернуло, дернуло, дернуло... Мама!

Я прикусил кусок спального: от крика сразу проснется Кит и начнет, как всегда, разглядывать мои вены, бить по щекам... В конце концов, покрутит у виска и даст снотворного, а этого мне совсем нельзя. Нельзя засыпать слишком крепко. Нельзя раздеваться перед сном, нельзя... Да ничего

мне уже нельзя! Можно только бояться и ставить крестики в календаре: день прожил – и слава богу.

Ногу не отпускали. Я, кажется, даже слышал, как хрустнула кость, но только сильнее вцепился в матрас. Главное – остаться на месте, не дать себя унести. Если не идти на поводу у минутной боли, не поддаваться, *это* уйдет, я знаю. Подергает за ноги, понюхает, полижет и уйдет, я все-таки невкусный для него. Для кого? Понятия не имею. Даже не знаю, зверь это или птица. По ощущениям, вроде похоже на гигантский птичий клюв...

Как будто подтверждая мою догадку, где-то в лесу закричала сова. Из окошка палатки пахнуло холодом, зашумели деревья снаружи. За сутки я уже в который раз подумал: случись что, здесь нас будут искать в последнюю очередь. Скорее, вообще никому не придет в голову ехать сюда, в огромный лес, где до ближайшей деревни не знаю сколько, но грибников не встречал. От станции мы добирались на попутке, наверное, час, а потом еще столько же шлепали пешком. Вот занесло-то! И ведь сами, сами на карте искали лесок подальше, чтобы никто даже случайно не нашел наш секрет. Мой секрет. И вот как все обернулось. Если что – никто нас тут не найдет.

Нога уже онемела, и я почувствовал, что замерз. Зубы стучали. Заледенели даже сжатые кулаки... А хватка ослабла. Значит, на меня напала птица. Они не вгрызаются, они клюют... Или все-таки зверь? Я привычно зажмурился и закрыл

глаза руками: если птица, то странно, отчего сразу не начала с самого вкусного, с глаз? По пальцам ударили, как ножом. Еще и еще... Привет пернатым. Я закрывал руками глаза, стараясь не оставить ни щелочки. Невидимый клюв долбил упорно, царапая руки, кажется, мне залило кровью лицо. Я подтянул ноги еще выше, уткнул в них физиономию, закрылся сверху руками, и свежая боль ударила меня в колено.

Вот тварь! Лети домой к своим птенцам, я невкусный, вот привязалась! Невидимый клюв хватал то за пальцы, то за коленку, силясь добраться до глаз. Я лежал, свернувшись в клубок, и молился, чтобы это поскорее закончилось. Я всегда молюсь, когда *оно* приходит. В окопах не бывает атеистов, на войне как на войне. Даже убежать не могу, потому что не убежишь. Как в любом бою: откроешься – получай под дых, только не рукой, а клювом или зубами... А главное: не видишь, кто перед тобой, можно только гадать по силе укуса. Сегодня зверь, завтра птица, и ты не видишь ее и не знаешь, когда она придет... Остается только свернуться клубком и молиться.

– Уходи, уходи... – Слова молитвы бежали в уме как будто сами, вслух я шептал это нелепое: «Уходи» – и еще думал о Ваське: как он там без меня? Я крепкий, я и не такое выдержу, а он... Господи, пусть у Васьки все будет хорошо. Я выдержу, лишь бы он сам...

Клюв воткнулся под лопатку. Я взвыл и на секунду отнял руки от лица. Птице этого хватило, чтобы полоснуть меня

по виску, еще б миллиметр, и прощай глаз. Слезы кольнули где-то в носу: Ваську жалко. Зачем я оставил его одного в лесу, он же не сможет один, он же маленький! Пусть Васька будет молодцом! Пусть у него все будет в порядке, пусть... Я, кажется, уже молился вслух, жуя несчастный спальник, когда птица лениво стукнула в плечо и притихла.

Меня снова обдало холодом. Под кожей будто бегали маленькие льдинки, и тонна зимней одежды меня не спасала. Улетела тварь? Необязательно. Если бы я хоть что-то видел, а так... Нет, я не буду раскрываться, пока не пойму, что птицы больше нет рядом. К тому же холодно. Я свернулся еще плотнее и натянул спальник на голову. Мне последнее время вообще неохота раскрываться. Если бы в школу не гнали, я бы так, свернувшись, и лежал целыми днями. Не надоело бы! Когда тебя могут убить в любую минуту, такая ерунда не может надоесть.

Классе во втором, когда по утрам не хотелось в школу, я мечтал о собственной комнате в четвертом измерении. Этаким пространственно-временном кармане, не знаю, как правильно назвать. Из любого времени, из любого места шагнул в сторону – и ты уже там. В малюсенькой комнате, чтобы только диван помещался и компьютер, конечно. Комната отдыха, комната для тайм-аута: сиди себе, хоть весь день, никто тебя не найдет, никто не хватится. Потому что вернешься ты из нее в то же самое время и место, откуда пришел.

Здорово? Я вот мечтал о такой. Потом подрос и понял, что

шуточки с субъективным временем добром не кончатся, что состарюсь я быстро, может быть, даже слишком... А сейчас мне плевать! Я снова, и гораздо, гораздо больше, чем тогда, мечтаю о такой волшебной комнате. Черт со мной, что я там быстро состарюсь. Ведь пока я там, ничего не случится. Это же здорово: пространственно-временной карман, да я бы с удовольствием там состарился, если бы у меня такой был!.. Там никто не достанет, и я хотя бы выплусь.

Кит сопел в полуметре от меня, даже не проснулся. А если бы и проснулся, какой от него толк? Нет, Кит хороший друг. Из тех, кто сперва согласится поехать с тобой в лес дождливой осенью, а потом уже спросит зачем. Он не верит во все эти мистические штучки и меня последнее время держит за сумасшедшего. А я, кажется, и правда схожу с ума. Пару месяцев назад, когда мы оставили Ваську в этом лесу, Кит сказал: «Надеюсь, ты наконец-то вернешься на землю?» Я был бы рад, но как? Как это вообще можно, спокойно жить, ходить в школу, ругаться с отцом, зная, что за много километров от тебя Васька пропадает в лесу? Здесь полно хищных зверей и птиц, здесь болото, наверное, здесь... Я не смог. Я уговорил Кита вернуться забрать Ваську, если еще не поздно. Место, где мы его оставили, конечно, никто не запомнил, я специально не запоминал, не рассчитывал, что вернемся... Мы блуждали уже вторые сутки, с перерывами на ночевку, и надежда найти Ваську таяла с каждым часом. Еще я почти перестал спать.

Я свернулся покрепче и в очередной раз почувствовал себя огромной мокрицей. Они сворачиваются в такие серые шарики, будто великан козявки катал. Вот этим самым я себя и почувствовал. Бросил Ваську. Птичку боюсь так, что вставать не хочется. Не хочется – и не буду. Я уже привык засыпать в одежде (ее труднее прокусить) и свернувшись так, что никто не подступится. Я привык, и от этого хотелось быть больше всего. Я бросил Ваську. Бросил Ваську – от этих двух слов сосало под ложечкой и стучало где-то в животе. Я боялся, что Васька нас не дождет, не доживет. И сам себя спрашивал: «Чем ты думал, когда сам же привез его сюда?»

Думать об этом было невыносимо. Мне захотелось вскочить и прямо сейчас бежать в лес одному и без Васьки не возвращаться. Ночь длинная, я найду. Еще вернуться успеем до того, как проснется Кит. Фонарик у меня хороший, не заблужусь. Страшно? Страшно, когда Васька один неизвестно где. Я его найду, и все будет хорошо.

Я разогнул пораненные, затекшие ноги, боль резанула коленку, но тут же прошла. Надо идти. Потихонечку расстегнул «молнию» спальника (Кит нервно всхрипнул), выбрался в предбанник. Нашарил фонарик в рюкзаке, сапоги (надеюсь, мои) и ступил в ночь.

По лицу тут же ударил ветер и горсть осенних листьев, как пощечина: ищи давай иголку в стоге сена. Пальцы сейчас же скрючило от холода, даже мыслишка предательская мелькнула: «Скорее назад в палатку!» – но нет. Хватит терять вре-

мя, надо искать. На цыпочках я отошел от палатки и включил фонарик. Наконец-то рассмотрел свои руки: думал, тварь до кости исклевала, а нет, пустяки. «У страха глаза велики» – это про меня. Руки как руки. Красные, шершавые, чуть подпачканы кровью, несильно, будь фонарь послабее, я бы не заметил. Пара царапин всего. Нельзя ж так всего бояться!

Позади послышался шорох целлофана. Разбудил Кита! Или ветер? Я направил луч на палатку. Целлофановый тент развивался на ветру. Плохо закрепили. Но шуршал не только он, мне показалось, я слышал звук застёжки или...

Изнутри палатки правда дергали «молнию» и как будто лупили в брезент кулаком. Нервно так дергали. Стучали, как будто очень, очень торопятся. Ну да, проснулся Кит, увидел, что меня нет, заволновался, спешит искать.

– Я здесь! Не доламывай застёжку. – Прятаться уже не было смысла.

Кит задергал бегунок еще сильнее и почему-то не ответил.

– Я здесь, глухая тетеря!

Сразу два кулака врезались в стену палатки, что-то зашуршало внутри...

– Эй, ты не молчи там!

На входе уже открылась малюсенькая щель, но бегунок, похоже, заклинило.

– Кит! – Звон бегунка и больше ничего.

– Да что происходит?! – Я рванул «молнию» и получил в лицо залп холодного воздуха.

Из палатки на меня вылетела огромная черная птица, может быть, ворон, кто их ночью разберет. Она мазнула меня крыльями по лицу и пропала в темноте. Я отшатнулся, больно ударился копчиком и сел в грязь. Перед глазами поплыли цветные пятна. «Птица. Это всего лишь птица», – я твердил про себя, чтобы успокоиться. Сердце стучало в ушах. Как она проникла туда? Мы же застегнулись на все застёжки? И как там Кит?

Я притушил фонарик и осторожно заглянул в палатку. Цветастый горб-спальник плавно вздымался и опускался, и никакие птицы не мешали ему. Вот сон у человека! Я даже позавидовал. Разбудить, что ли? Все не одному маяться. Пусть идет со мной искать Ваську, в конце концов, мы вместе в это влипли, вместе и выплывать. А он – спит. Хотя ночью, пожалуй, Кит не пойдет. А то и меня не пустит. Скажет: «Совсем ты сбрендил!» – и будет прав. Я действительно совсем сбрендил.

Потихоньку выбравшись из палатки, я сто раз проверил, хорошо ли застегнута «молния», отошел, стараясь не шуршать листьями, и только тогда включил фонарик. Там, где мы оставили Ваську, был овраг и, кажется, заброшенный погост. Кит подозрительно поглядывал на низенькие давно заросшие холмики, слишком аккуратные, чтобы не быть рукотворными, но молчал. Я тоже молчал, потому что не хотел его пугать, а сам думал, что в таком месте Ваську точно никто не найдет. За двое суток мы прочесали, наверное, две тре-

ти этого леса, мне осталось совсем чуть-чуть. Может быть, управлюсь до утра, и поедем домой. Я сверился с компасом и решительно свернул вправо.

В самой чаще ветра почти не было, я слышал каждый листик под ногами и каждый шорох в кустах. В Интернете пишут, что зверь здесь водится, но мы лично с Китом не видели ни одного. А если все-таки есть? Я даже замер на несколько секунд, чтобы получше осветить все кусты вокруг. Если здесь водится кто-то крупнее белки, то как раз сейчас, по закону подлости, ему самое время выскочить на меня. Я один, без Кита...

В кустах как будто что-то мелькнуло, мелко зашуршали осенние листья под чьими-то шустрыми лапками. Явно мелочь. Надо идти. Я направил вперед луч фонаря и услышал новую порцию шорохов. Кто-то впереди торопливо уходил, ломая ветки. Эти шаги были уже тяжелые, как в ботинках на толстой подошве. Неужели человек? Ну и что, даже если так? Может, оно и к лучшему, что здесь встречаются люди. Не так страшно.

– Эй, кто здесь? – Собственный голос показался далеким и каким-то жалким. Как будто не я звал, а меня. Несколько секунд я стоял и прислушивался, но никто не ответил. И даже не шуршал больше листьями. Но мне нужно было именно туда, откуда слышались шаги. Я выждал еще немного и пошел. Интересно, кто там и почему прячется? Может, такой же ненормальный трус, как я? Даже ответить испугался? Или

бомж какой-нибудь, зачем ему незваная компания? Еще, говорят, сектанты любят такие места, где можно без свидетелей провести какой-нибудь ритуал с жертвоприношениями. Они бы, конечно, предпочли кладбище, но ведь и здесь где-то есть заброшенный погост.

Я думал все это и шел вперед за лучом фонаря, туда, откуда слышал шаги. А может, все-таки крупный зверь? Пройдя несколько метров, я зашарил лучом по кустам, где мой невидимый спутник? Шагов больше не было слышно, значит, ушел он недалеко. Может, это Кит за мной шпионит? Скорее всего, так оно и есть, где еще такого дурака найдешь, гоняться за мной ночью по лесу?

– Кит! – позвал и тут же передумал. Я ведь не так далеко ушел от палатки, вдруг он там спит себе и ни о чем не подзревает. А тут я ору из леса...

Никто не отозвался. В луче фонарика кривлялись ветки, поблескивала грязь и мокрые опавшие листья. Никого живого. Я медленно шел, оглядываясь на каждый свой шаг, казалось, что ветки хрустят не только под моими ногами. Скорость пешехода в лесу два-три километра в час. Да нам столько и осталось того леса! Вперед!

С этой мыслью я решительно ступил на особо громкую ветку. Она хрустнула так, что зубы заболели, а земля на секунду ушла из-под ног. За одной веткой хрустнула другая, третья... Я уже осознал, что скатываюсь в яму, а ветки еще хрустели за спиной пулеметной очередью. Из-за тол-

стого слоя одежды я почти не чувствовал их, только слышал хруст и уже гадал, сумею ли выбраться из той ямы.

Звуки стихли разом, даже птицы замолкли. Я лежал на земле и смотрел, какое светлое, оказывается, небо в ночном лесу. Над отвесными черными стенами оврага плыла светло-серая полоса неба. Слава богу, я уж испугался, что угодил в волчью яму. Хотя откуда им тут взяться-то! А овраг – не беда. Из оврага как-нибудь выберусь.

Я сел и стал нашаривать вокруг упавший фонарик. Выключился, конечно, выключился, по закону подлости, иначе никак. Под руки попадались ветки, камни, даже обломки каких-то железок и осколки (а я-то вообразил, что мы далеко от цивилизации!). Я загребал руками, как экскаватор, и все попадалось не то. Плюнул, стянул перчатку и тут же схватил в кулак здоровенный кусок стекла!

Боль врезалась почему-то в обе ладони, я отбросил стекляшку и заткнул царапину скомканной салфеткой. Вот и сходили в поход! Несколько секунд я просто сидел, вглядываясь в черное дно оврага: вдруг блеснет где-нибудь мой фонарик? Корпус металлический, что ж ему не блеснуть? Царапина болела, я зачем-то сильнее сжимал кулак, хотя от этого становилось только хуже. А наверху шелохнулись сухие листья.

Я поднял голову. На краю оврага на фоне светлого неба чернели стволы. Мне показалось, я видел какое-то движение там, между ними, но сколько ни вглядывался, деревья оставались неподвижными. Нервный я стал последнее вре-

мя! Ох, какой нервный! Фонарь вот найти не могу, хотя не мог он здесь далеко укатиться. Осторожно, рукой в перчатке я ощупывал дно оврага. Ветки, камни, корни. Поползал на карачках туда-сюда, не мог он, правда, далеко закатиться. Вот остаться наверху или зацепиться за что-нибудь на стене оврага – запросто. И почти наверняка так и произошло. Вот радость-то! Теперь мне выбираться вслепую.

На ощупь я нашел какой-то выступ в стене оврага, поставил ногу. Схватился за длиннющий корешок, торчащий из земли, подтянулся... и рухнул навзничь! В лицо мне посыпались комья земли, да много так! Я увертывался, даже отряхиваться успевал, а земля сыпалась и сыпалась, как будто надо мной ковш экскаватора. Как будто, вырвав этот корень, я обвалил всю стену оврага. Корень я еще держал в руке. Комья земли летели в лицо, как мокрые пощечины, я еле увертывался, а под ногами уже была приличная насыпь. Что ж, легче будет вылезать. Где-то наверху опять хрустнула ветка. Но это все обвал, и внимания обращать не стоит. Я все-таки инстинктивно глянул в ту сторону и опять заметил движение среди стволов. Ветер. Обвал. Ерунда, надо выбираться. Фонарик я теперь точно не найду.

Землей меня засыпало по колено, пришлось побарахтаться, чтобы встать на насыпь. Стена оврага после обвала стала еще более отвесной, как будто ее заровняли великанской лопатой. Я пощупал землю здоровой рукой, поймал на макушку несколько запоздалых комьев, нет, здесь не вылезти. Надо

пройти дальше по дну оврага, может, найдется более пологая стена. Кое-как продираясь сквозь насыпь, я побрел вперед. Из стен торчали коряги, впереди поблескивали серые стволы с ободранной корой. Бурелом. По нему-то и выберусь. Первые минуты я не видел почти ничего, кроме этих стволов, но скоро из-за туч показалась луна, и овраг показался мне во всей красе.

И кто из нас решил, я или Кит, что здесь не ходят люди?! В метре от меня на земле валялась белая тряпка, чем-то перепачканная. Я зачем-то шевельнул ее носком сапога, и пятна, подсвеченные луной, показали свой цвет. Ржаво-красный цвет крови. Я еще соображал, что бы это значило, а глаз уже отметил, что тряпка когда-то была чьей-то майкой, просто ее разодрали на бинты. Рядом валялся пустой аптечный пузырек темного стекла. Ничего страшного. Просто кто-то здорово поранился здесь в овраге, вот и все. Вон сколько острых сучков! Потом ему полегчало, он снял бинт и ушел, а тряпки остались. Здесь же никого нет!

Хрустнула ветка. На этот раз впереди, в самом буреломе, я аж подпрыгнул, так близко был звук. Луна освещала поваленные стволы, сухие ветки, ковер пожухлых и недогнивших листьев с пробивающимися запоздалыми травинками. Особенно стоял засохший куст борщевика. И могу поклясться, что секунду назад он был еще целым! Зонтики его еще показывались на обломанных ножках, как маятники, здесь точно кто-то был и выскочил передо мной!

Зверь. Это зверь. Если испугался меня, значит, некрупный, а то пришел бы сам разбираться, что я делаю на его территории. Всего лишь зверь. И он убежал. Я сел на землю и уговаривал себя, наверное, даже вслух, что это зверь, и бояться нечего. Да и что бы там ни было, оно уже ушло и оставило мне бурелом, чтобы спокойно вскарабкаться наверх.

Осторожно одной ногой я наступил на поваленный ствол и попробовал его на прочность. Вроде ничего, держит. Подергал ветки повыше – сойдет, вцепился, подтянулся... И еле успел отскочить, чтобы здоровенное бревно не рухнуло на меня. Остатки подгнившего ствола свалились мне под ноги и рассыпались ошметками. Надеюсь, они не все такие? Следующую ветку я выбирал долго. В конце концов, нашел поцелее, но она оказалась слишком короткой, чтобы до нее дотянуться. Тогда я стал карабкаться по стене, лишь иногда опираясь на поваленные деревья. Одно чуть не уронил себе на ногу, другое скатилось само и устроило еще один обвал. Воевать в темноте с сухими ветками – то еще удовольствие. Я зажмуривался, отворачивался, и все равно исцарапался весь. А самое главное: мне казалось, что я и на миллиметр не приблизился к свободе. Как будто овраг проседал подо мной, хотя под ногами был уже добрый метр пройденного пути, его верх казался таким же далеким.

Где-то закричала птица, и луна ушла за тучи. Я выкинул наконец-то скомканную окровавленную салфетку, которую держал все это время, вцепился в очередную ветку, шагнул.

Наверху кто-то хмыкнул так близко и отчетливо, как будто ждет меня на краю оврага и не верит, что я выберусь сам.

– Кто здесь?

Сухие листья шаркнули под чьей-то ногой, и снова все стихло. Кит, что ли, за мной шпионит?

– А я тут застрял!

В ответ наверху захихикали. Негромко, но высоко, точно Никита меня выследил! Вовремя он!

– Эй, Кит! Ты, чем прятаться по кустам, дал бы руку или... Ногу...

Там наверху сделали шаг, и до меня как-то сразу дошло, что никакой это не Кит. Кит выше ростом, и не носит на голове такого дурацкого цветастого платка по самые брови...

Я отпустил корешок, который держал, съехал на пузе вниз и рванул через бурелом дальше, по дну оврага. Стволы и корни под ногами я перепрыгивал каким-то чудом, ни разу не споткнулся тогда. Нашла нас! Добралась! Ничего, мы еще посмотрим, кто из нас раньше найдет Ваську!

За себя я, конечно, тоже боялся. Боялся и летел через бурелом, как по гладкому асфальту. Боялся и думал: где-то ведь кончается этот овраг. Что тогда? Она спустится за мной? Обязательно спустится, я видел, как она неспешно бредет по краю оврага, а я там бежал, и мы двигались навстречу. Я был в ловушке. В любой момент она могла спуститься, и тогда... Она просто играла со мной, как сытая кошка с едой, даже не с мышкой, а куском, например вареной кури-

цы. Мышка хоть бегать умеет.

Я бежал и боковым зрением продолжал видеть ее платок, как я прежде-то не заметил, идиот, она небось меня вела от самой палатки! Откуда она взялась, я уже себя не спрашивал.

Луна стояла высоко в небе, а впереди показалась серая от листьев отвесная стена оврага. Приплыли! Кончился овраг! Черный цветастый платок мелькнул наверху, я заметил, что он стал еще ближе ко мне, может быть, на пару шагов. Стены оврага стали ниже. Впереди маячил тупик, а я все бежал и притормозить не мог, как тут затормозишь! У самой стены я даже зажмурился, поднажал, сделал несколько тяжелых быстрых шагов по размытой земле, вцепился на ощупь в какой-то корень и выбрался.

Под ногами уже была ровная земля, вокруг лес, а в метре от меня была она. Я нырнул в кусты и побежал напролом, не считая царапающих веток. Не спотыкался я просто чудом, казалось, что самые разлапистые коряги в лесу специально сползаются мне под ноги. Я смотрел только на черный платок в метре от себя и молился, чтобы он отстал. Деревья сгущались передо мной, я боялся, что сейчас не впишусь, рухну, и она меня тут же схватит. Вытянул руки и летел на ощупь, пока не выскочил на поляну, где стояла наша палатка.

Навстречу мне выбежал Кит. Он махал руками и что-то кричал, я не слышал что. Приближался к нему, но не слышал лучше. Остановился я только тогда, когда заметил, что платка больше нет рядом.

Глава II

Местные

– Вот же неймется людям! Выловить бы по одному! – Кит сплюнул на песок розовую слюну и посмотрел на меня так, будто я во всем виноват. Видок у него был аховый: нос разбит, над глазом наливается здоровенная слива, на неделю как минимум. Кулаки ободраны, будто стену каменную лупил. – ...Так ведь они только стадом ходят, бе-е! – Он показал язык в сторону поселка, где, скорее всего, и жили наши обидчики. И ведь приличный с виду поселок: аккуратные новые домики и целая улица навороченных таунхаусов. А сами – шпана шпаной, как в старых детских фильмах!

– Спорим, теперь не отвяжутся?! – ворчал Кит, загребая из реки водички с песком, чтобы отмыть руки. – Каждый день нас тут караулить будут, а может, и в лагерь явятся. А все ты!

Я умывался в реке и рассматривал свое помятое отражение: вроде ничего, отделался разбитой бровью. До Кита мне было далеко.

– Чего я-то? Сам не захотел никого с собой брать: «Да ну их, наступчат еще!» Пошли бы большой компанией, фиг бы кто к нам привязался.

– Настучат! Помнишь, что в прошлый раз было?

В прошлый раз нас тут поймали тепленьких: Леха, вос-

питатель нашей группы, пошел купаться после отбоя и наткнулся на своих. На нас. Я думал, такие глупые ситуации бывают только в кино: непонятно, кто кого застукал. И если бы один придурок (Сашкой звать) не побежал к Лехе первым и не начал оправдываться, то все бы обошлось. Но что сделано, то сделано: нагоняй с донесением родителям получили все, а кое-кто чуть не вылетел из лагеря, потому что попался не в первый раз.

Кит приложил к больному глазу камешек из реки:

– Теплый, черт... Теперь точно стукнут! Над нами пол-лагеря хохотало. – Он кивнул на решетчатый забор в паре сотен метров от нас. Между лагерем и берегом реки – ни куста, ни деревца. Через голое скошенное поле было прекрасно видно, как на заборе висит малышня и, кажется, горячо обсуждает постыдно короткую драку между нами и местными, которую только что видели. Надеюсь, они хотя бы болели за нас.

Пересчитывать раны, когда на тебя пялятся, было неудобно, как будто ты случайно уселся в праздничный торт на сотню человек и подвернул ножку. Обычно мы сбегая купаться под откос, дальше по берегу, то место от забора не видно. Но в этот раз местные пришли к реке раньше нашего... Долго рассказывать. Мы сидели на берегу напротив самого лагеря, как на ладони. Битые и злые.

– Ну и пусть! – Я поднял камешек, демонстративно швырнул в сторону забора и, конечно, не добросил. – Нам-то что?

Домой все равно не выгонят. Сколько там, говоришь, путевки стоили?

— Да не, я так. — Кит опять потрогал заплывающий глаз. — Сходили окунулись! — Он загоготал так противно, что я понял: расстроился.

Я в детстве думал, что «местные» — это ругательство. Приедешь в лагерь, тебе сразу: «За территорию не ходи, местные побьют»; а если в лагере пропадет или сломается что-то ценное, говорят: «Местные балуют». Мы с Китом каждое лето куда-нибудь ездим, у него отец торгует путевками в детские лагеря... И везде эти местные! Мне кажется, они специально селятся рядом с лагерями, чтобы всех там доставать.

— Давай, — говорю, — хоть стекла им побьем для остротки. А то ведь правда не отвяжутся. Узнаем, где живут...

— Я видел дом! — Кит вскочил, сверкая опухшей своей физиономией, и выставил вперед скрюченный палец. — Вон туда они побежали к убогой избушке. Она небось заброшена давно, вот они там и кучкуются! Набирай камней! — Сам присел и поспешно стал собирать камни в снятую майку.

Убогий бревенчатый домик стоял чуть на отшибе, как будто сторонясь раскрашенных новеньких избушек и таунхаусов. На их фоне он и правда здорово выделялся, как будто забыли снести. Но вид имел вполне жилой: занавески на окнах, в огороде парник и какая-то ботва...

— Ты уверен?

— Точно тебе говорю, туда они побежали!

К нам домишко был ближе всех, и к лагерю – тоже, удирать будет удобно. Я набил карманы камушками и побежал за Китом, который уже хромал по песку вершить правосудие. Камень в окно – и бегом. Ой, а как он побежит, хромой-то?

– погоди! – кричу. – Давай хоть велики в лагере возьмем, у тебя нога!

Кит только отмахнулся и прибавил скорости, как будто показывая, что нога ему не помеха. А я уже засомневался в своей идее. Вот всегда так: сперва ляпну, а потом жалею.

– Да подожди ты! Слушай, ну не все же они в одном доме живут?!

– Не дрейфь, Котяра, будешь толстый и красивый. Какая тебе разница? Проучим одного, другим неповадно будет. Я видел, как они бежали сюда, а кто из них тут живет, не все ли равно?

На «толстого и красивого» я обиделся, потому что я и есть толстый и красивый. У каждого свои недостатки, что ж теперь, всякий раз напоминать?! Но момент был неподходящий для ссоры, так что пришлось обижаться молча.

Я пощупал камни в кармане. Чем ближе мы подходили к злополучному дому, тем больше я сомневался: стоит ли? Вот кто тянул меня за язык? На заборе лагеря висела мелко-та, предвкушая зрелище, точно ведь стукнут! Но Кита было уже не остановить. Он вприпрыжку прибежал к щербатому дощатому забору, раздраженно оглянулся: «Ну где ты?» – и присел, как будто его так не видно из дома.

Окна были наглухо зашторены, но в заборе не было половины досок. Если бы эти в доме захотели, они бы нас увидели. Но к окнам пока никто не подходил.

– Тщ! – Кит потянул меня за майку, заставляя пригнуться. – Обходи с той стороны, а я здесь. Бросим камни одновременно, чтобы сразу с двух сторон зазвенело. Ух они забегают! – Он побрякал камнями в майке и выбрал один. – Иди уже!

Я послушно пополз вдоль забора на другую сторону и вполз прямехонько в заросли репейника. Укрытие было хорошее, я присел и раздвинул лопухи, ожидая команды.

– Давай! – Кит махнул рукой, и тотчас послышался звон. Надо же, сразу попал! Я швырнул один камень не глядя (мимо), полез за вторым и тут в доме хлопнула входная дверь.

На порог вышла женщина. Платок на ней закрывал поллица так, что возраста не разберешь. Она рассеянно уставилась прямо на меня, но, кажется, не видела. Губы ее шевелились, но я не слышал ни воплей, ни ругательств, будто она сама с собой разговаривала или напевала. А где все? Ну эти, которые, Кит говорил, побежали в этот дом?

С другой стороны дома послышался такой топот Кита, что я сразу очнулся и решил, что пора удирать. Кинул второй камень наугад, услышал, как со звоном посыпались стекла. Вскочил, оставив репейнику хороший клочок своих волос, и рванул к лагерю. А тех, местных, в доме-то и не было! Хотя, может, просто не захотели выходить. Женщина что-то крик-

нула мне вслед, но кто же прислушивается к проклятьям в спину!

Я бежал к забору и думал, что меня она точно запомнит и точно в лагерь явится искать. Шевелюра у меня приметная: белобрысая, а сейчас на солнышке выгорела – вообще седой стала. Запомнит! Как пить дать, запомнит! Из-за моего дурацкого языка мы с Китом можем запросто уехать домой раньше срока, сколько бы там ни стоили путевки. Вот всегда я так! На днях Егору сказал, что он придурок, прям при его бабушке. Узнал много новых ругательств, а подзатыльник получил такой, что до сих пор голова гудит. Трудно жить балаболам. Но весело!

Мелочи у забора уже не было, похоже, все ушли на обед. Сейчас и нас хватятся! А Кит, кажется, еще не пришел. Странно, он же убежал вперед меня... Я потихоньку шел вдоль забора к перелеску, наверняка Кит ждет меня там, чтобы не светиться в скошенном поле.

У деревьев меня окликнули.

– Наконец-то! А то мы ждем-ждем, неудобно вас как-то по одному лупить. И так много чести! – Между березами стоял долговязый парень, в спортивной куртке на голый торс и девчоночьих красных кедах. Из-за этих кед я его и запомнил, а то лица у всех местных какие-то одинаково сизые, не различишь.

За спиной у «кед» стоял парень в тельняшке и двое мелких без особых примет. Мне даже весело стало: надо же, под-

крепление вызвали: полчаса назад мелкий в этой компании был только один. Напротив, ко мне спиной, стоял Кит и тербил в руке камешек.

– Вы что это хулиганите, стекла вздумали бить в чужом поселке? – «Кеды» некрасиво сплюнул под ноги и вопросительно уставился на Кита.

– А что, дует? – спрашиваю.

– Я те ща дуну! – Парень в тельняшке рванул на меня с кулаками, но «Кеды» его удержали.

– погоди ты, не горячись! Просто интересно, чем люди думали...

– А ты чем думал, когда на берегу пристал? – проворчал Кит и слета получил от «буйной тельняшки». Конечно, дал сдачи, конечно, получил еще. «Кеды» и мелкие сначала пытались разнять, но, кажется, специально зацепили меня по носу, и кулаки мои среагировали сами.

Дальше плохо помню. Я врезал разок «Кедам», а потом пытался достать мелких, пока затылок мой не встретился с землей. В небе закружились верхушки деревьев, по лицу неловко мазнула чья-то нога, «Кеды» сказал: «Хватит», – и мы с Китом опять остались пересчитывать раны. Еще одна короткая бесславная драка. Вторая за час, причем с теми же самыми.

– Не, ну ты видел? – Кит присел на корточки, опершись на ствол спиной. Его глаз, подбитый на берегу, заплыл окончательно, разбитые кулаки опять закровили. Вид был жутко-

ватый, Лехе на глаза лучше не попадаться.

– Просто им скучно жить в деревне, вот они и цепляются к городским.

– Да ну! – Кит потрогал подбитый глаз. – Давай, что ли, ребят из лагеря соберем...

– Стенка на стенку? Нас тогда точно выгонят. Если в драке не убьют.

– Вот они где! Вас весь лагерь ищет! – Сашка подкрался, как тот капец. Он стоял по другую сторону забора и старательно вдавливал свою физиономию между прутьями.

– Тебе чего? – Кит повернулся к нему лицом, и Сашка отпрянул. Я бы тоже отпрянул.

– Ой! Никита, кто тебя, а? – Сашка даже оглянулся, будто опасаясь, что Китов обидчик еще где-то прячется и вот-вот выскочит, чтобы Сашке тоже досталось.

– Не бойся, – говорю. – Они уже ушли.

Кит раздраженно зыркнул на него, неужто хочет отыгаться на Сашке?!

– Кто надо. Чего хотел?

Сашка поймал его взгляд и на всякий случай отошел от забора:

– Так, в столовку идите. Только потихоньку, как будто вы там и были. Вас уже ищут все... Ну Никит, правда, кто? Вась, хоть ты скажи!

Я промолчал, потому что я не «хоть».

– Будешь много знать, такой же красивый будешь. По-

шли. – Последнее Кит бросил мне и полез прямо через забор.

Лагерь как будто вымер. Никто не носился по дорожкам туда-сюда, малышня не выскакивала из кустов с брызгалками, на баскетбольной площадке не стучал мяч, даже на стадионе никого не было. Ну и что, что время обеда! Обед – дело добровольное, и совсем не такое, чтобы обезлюдил весь лагерь. Мы брели к столовке, а я ловил себя на дурацком страхе: сейчас зайдем, а там – никого.

У самой столовки все-таки нашлись два живых человека. Они ревели в голос, изредка обмениваясь короткими тумаками с расстояния вытянутой ноги. Я прибавил шаг, потому что один из них явно был Егор. Приметный парень, здоровенный, выше и шире даже нашего физрука. То, что он выл, как малявка рядом с ним, и гримасы корчил такие же, могло означать только одно...

– Вот ведь злобный карлик! – прошипел Кит и рванул бегом. Странно, что на рев еще не сбежались воспитатели, значит, мы успели к самому началу. Вечно мелкоте неймется!

Кит подскочил к парочке первым и тряхнул малявку за шиворот:

– Так! Быстро отдал ему банку!

При слове «банка» Егор нервно обернулся и вопросительно глянул на нас типа: «Где?» Отчего-то мне всегда неловко смотреть ему в глаза. Я быстро уставился на мелкого, будто он меня очень интересуется.

– Уже! – Мелкий всхлипнул и поднял физиономию, укра-

шенную здоровенным фингалом.

– Черт... Где болит, говори. Руки-ноги гнутся? Пошевели пальцами...

Мелкий опасливо косился на Кита, украшенного синяками, но сопротивления не оказывал. Только всхлипывал, размазывая по лицу грязь, похоже, Егор успел его и в земле по-валять.

– Тебя мама учила не связываться с придурками? – спрашиваю.

Егор не расслышал меня, потому что опять заревел, как сто бизонов, а малолетка неоригинально ляпнул:

– Я пошутил.

– Ну и дурак. – Кит подтолкнул его в спину. – Получил, пойдем теперь к медсестре сдаваться. Только быстро.

– Я сам. – Мелкий вырвался и дал стрекача, будто боялся, что Егор или мы побежим догонять. Бежал он в правильном направлении, так что все нормально.

Егор стоял к нам спиной и выл, прижимая к себе пакет с драгоценными своими банками. Обычными металлическими из-под всякой там кока-колы. Они у него всегда с собой в этом замусоленном пакете с порванной ручкой, завязанной узлом. Егор даже спит, говорят, с пакетом в обнимку. Что с него, дурачка, взять! Где он эти банки находит в лагере, который день и ночь убирают тучные стада техничек, – загадка. Подозреваю, что он так и приехал со своим пакетом. Однажды, когда мы пошли купаться с его группой, Егор чуть

не погиб из-за такой вот банки. Увидел на дне и пытался достать, пока трусы за корягу не зацепились. Ревел потом, потому что так и не достал. Уходить не хотел, еле уволокли.

Киту нравится думать, что Егор эти банки сдает. Так хоть какая-то польза есть, а значит – и какая-то логика в Егоркином поведении. Но это все Китовый трусливый оптимизм. Мне, может, тоже хочется думать, что все инвалиды в метро вечером расправляют подогнутые ноги и едут домой ужинать. А вот чтобы Егор добровольно отдал кому-то банку, даже за деньги, я себе не представляю. Это не заработок, это страсть. Ненормальная, больная, как все страсти. Только еще и дурацкая. Так-то Егор хороший парень, добрый, если святое не трогать. Но угадайте, какое любимое развлечение у малышни в лагере и за что получил конкретно тот пацан?

– Злобный карлик! – Кит сплюнул мелкому вслед, а Егор успокоился, как по команде, и разулыбался нам:

– Вы купались?

– А? Черт, волосы-то мокрые! – Кит зло потянул себя за челку и выжал на нос пару капель.

– Нет, – говорю. – Вспотели просто, бегали. В столовку с нами пойдешь?

Егор покачал головой и ушел, брякая своими банками. Призывать его к порядку, говорить: «Думай иногда, кого бьешь», – было бы глупо. Егор старше нас, а читает по слогам.

Кит толкнул дверь, и я не услышал привычного столов-

ского гвалта, но удивиться не успел, вошел. Все были здесь. Несколько сотен человек сидели за столами – не стучали ложками, не болтали, как все нормальные люди, а, кажется, пялились на нас. Кит, ничего не замечая, уже шел к нашему столу, а я так и застрял в дверях, неудобно, когда на тебя все смотрят. Я уставился в ответ поверх голов типа: «Че пялитесь!» – а сам слушал Китовы шаги, такая была тишина. Но кто-то в конце концов стукнул ложкой, кто-то разочарованно брякнул: «Живые». Мне стало смешно, я захихикал, кто-то подхватил, и столовка тут же наполнилась нормальными человеческими звуками вместо этой похоронной тишины.

У нашего стола Кита уже отчитывал Леха. Меня увидел: – И тебя касается! Поедите – сразу ко мне. Пока без вещей. Родителям долго за вами ехать, успеете собраться.

– Леш, да ты что! Мы только на минутку вышли!..

– Я все сказал. Жду. – И ушел с таким видом, будто у него дел много.

– Остынет! – подмигнул мне Кит и пододвинул поднос с обедом. – Держи, я тебе уже взял. Здесь, говорят, в первую смену кто-то пропал, вот все и стали параноиками. Будем ныть, что вышли на минутку за улетевшим мячом. Простит, он отходчивый.

– А вы что, у забора в футбол играли? – Только сейчас я заметил Сашку. Этот балбес сидел прямо рядом со мной и пальцами выуживал ягоды из компота.

– Да! – Мы рывкнули это хором с Китом, потому что нече-

го всяким Сашкам правду знать.

– А подрались-то с кем?

– Между собой. Понял?

– Так бы и сказали. А то Леха весь лагерь на уши под-
нял, меня вот послал вас искать... В ту смену в нашей груп-
пе, и правда, двое мальчишек пропало. Одного нашли потом
мертвого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.